

А. А. Жукова

ORCID: 0000-0003-4613-0436

✉ anastasia.zhukova96@yandex.ru

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва)*

ТЕОРИЯ «ДЕМОКРАТИЗАЦИИ» ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО ЗАУПОКОЙНОГО КУЛЬТА В ПЕРВЫЙ ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ЕГИПТОЛОГОВ

Аннотация. В статье рассматривается так называемая теория «демократизации» заупокойного культа в древнем Египте в Первый переходный период (в конце III — начале II тыс. до н. э.). На основании трудов зарубежных и отечественных египтологов прослеживается эволюция данной теории: ее возникновение в начале XX в., постепенное развитие и всеобщее принятие, а также последующая критика, получившая распространение в современной египтологии. Делается вывод, что, несмотря на ее более чем вековое существование, единого мнения по данному вопросу у ученых не существует. Подвергаются сомнению даже базовые аспекты теории, такие как изначальное отличие представлений о загробной жизни царя и простых людей, трансформация Текстов пирамид в Тексты саркофагов, отождествление умершего с Осирисом — божеством загробного мира. Дискуссионность теории «демократизации» заупокойного культа в Первый переходный период делает ее актуальной для последующего исследования.

Ключевые слова: «демократизация», заупокойный культ, Тексты пирамид, Тексты саркофагов, Первый переходный период, Осирис, египтология, древний Египет, религия, историография

Для цитирования: Жукова А. А. Теория «демократизации» древнеегипетского заупокойного культа в Первый переходный период в трудах отечественных и зарубежных египтологов // Шаги/Steps. Т. 7. № 4. 2021. С. 13–31. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-4-13-31>.

*Статья поступила в редакцию 9 ноября 2020 г.
Принято к печати 20 января 2021 г.*

A. A. Zhukova

ORCID: 0000-0003-4613-0436

✉ anastasia.zhukova96@yandex.ru

Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)

THE SO-CALLED “DEMOCRATIZATION” OF THE ANCIENT EGYPTIAN FUNERAL CULT IN THE FIRST INTERMEDIATE PERIOD AS SEEN IN RUSSIAN AND WORLD EGYPTOLOGY

Abstract. This article, based on the works of foreign and domestic Egyptologists, examines the theory of “democratization” of the funeral cult in Ancient Egypt in the First Intermediate Period (late III — early II millennium BC). The main purpose of this study is to trace the evolution of this theory. First of all, its emergence at the beginning of the 20th century is of interest, since there is no consensus, who of the scholars first proposed it. Then, over the course of almost a century, the theory gained followers, acquired new additions and concepts, which, as we can see, were accepted by Egyptologists all over the world; however, contemporary scholars have criticized it. One can conclude that, despite more than a century of its existence, there is no consensus among researchers on this issue. One questions even the basic points of the theory, such as the initial difference between the concepts of afterlife for the king and for ordinary people, the transformation of the Pyramid Texts into the Coffin Texts, the identification of the deceased with Osiris — the deity of the afterlife. The controversial nature of the theory of “democratization” of the funeral cult in the First Transitional Period makes it relevant for further research.

Keywords: “democratization”, funeral cult, Pyramid Texts, Coffin Texts, First Intermediate Period, Osiris, Egyptology, Ancient Egypt, religion, historiography

To cite this article: Zhukova, A. A. (2021). The so-called “democratization” of the Ancient Egyptian funeral cult in the First Intermediate Period as seen in Russian and world Egyptology. *Shagi / Steps*, 7(4), 13–31. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-4-13-31>.

Received November 9, 2020

Accepted January 20, 2021

Первый переходный период (ок. 2181–2055 гг. до н. э.) является одним из самых сложных в истории древнего Египта. Эпоха расцвета и бурного развития Древнего царства сменяется всесторонним кризисом. Это время характеризуется утратой государственного единства, политической анархией (страна лишилась крепкой централизованной власти, отдельные номы под управлением местных правителей приобрели высокую степень самостоятельности), уничтожением сложившихся административной и экономической систем.

Изменения затронули и религиозную сторону жизни, а именно заупокойный культ. Хотя малое количество сохранившихся памятников этого периода не позволяет с уверенностью говорить о ситуации непосредственно в это время, данные последующего этапа — эпохи Среднего царства (конец XXI — XVIII в. до н. э.) уже демонстрируют значительные перемены в представлениях древних египтян о посмертном существовании. В первую очередь об этом свидетельствует появление так называемых Текстов саркофагов (их возникновение датируется временем Среднего царства, вероятно, его начальным этапом в конце XXI — начале XX в. до н. э. [Schenkel 1962: 116–123], см.: [Willems 2014: 133–134]), в которых используются заклинания, известные ранее по Текстам пирамид¹, записывавшихся на стенах внутренних помещений царских погребений со времени V династии Древнего царства.

Кроме того, активно развивается культ бога Осириса как правителя загробного мира. Его принципиально важная роль в заупокойном культе связана с мифом, по сюжету которого бог был убит, а затем воскрешен, но только в ином мире, где становится его правителем. Таким образом, через обращение к Осирису люди надеялись так же воскреснуть, обрести новое существование в загробной жизни. Немаловажно, что культ Осириса не насаждался специально «сверху», но при этом получил распространение по всей стране и стал одним из самых значимых в Египте. Со времени XII династии возрастает значение города Абидоса как главного центра почитания Осириса, в честь которого там проходят ежегодные мистерии. Особенно важен тот факт, что центральным в этом культе является представление о загробном суде, который ждет всех умерших, независимо от их происхождения и социального статуса. Следует заметить, что еще ранее с этим представлением (без упоминания имени Осириса, но в хорошо опознаваемом описании) мы сталкиваемся в «Поучении Мерикара» [pErm. 1116A. 54–56] — литературном памятнике, создание которого следует датировать Первым переходным периодом [Демидчик 2005: 73–77].

Тенденция, в которую укладываются все эти изменения религиозного мировосприятия в Первый переходный период, в египтологии изначально получила название «демократизация заупокойного культа». Важно отметить, что под этим термином египтологи понимают не эволюцию политической системы, а социально-культурный феномен, состоящий в распространении представлений о посмертном существовании, ранее характерных только для царей, на частных лиц. Прежде всего речь идет о культе бога Осириса, изначально связанном с царскими погребальными памятниками. Согласно теории «демо-

¹ Тексты пирамид, как и Тексты саркофагов, представляют собой корпусы заклинаний, предназначенных для обеспечения посмертного существования усопшего.

кратизации заупокойного культа», исходно только царь мог после смерти отождествляться с этим богом и тем самым обрести физическое воскресение, что и описывается в Текстах пирамид — первом известном корпусе религиозных текстов древнего Египта. После религиозных изменений Первого переходного периода или начала эпохи Среднего царства появляются Тексты саркофагов, которые копируют и интерпретируют ряд заклинаний Текстов пирамид: в них с Осирисом отождествляются уже обладатели саркофагов с заклинаниями, не имеющие царского статуса. Из-за таких изменений, вследствие которых эти лица получают прежние царские привилегии, данный феномен и получает название «демократизация».

Однако, несмотря на давность своего существования (больше ста лет), это понятие, да и сама проблема «демократизации» вызывают споры среди ученых, как зарубежных, так и отечественных. При этом сомнения возникают в связи не только с правомерностью использования этого термина, но и с наличием самого феномена в египетской истории в принципе.

Термин «демократизация» появился в египтологической науке в начале XX в. Сегодня исследователи, обращающиеся к полемике вокруг этого понятия (в частности, Х. Виллемс [Willems 2014: 127–128]), прослеживают его возникновение в работах, не связанных напрямую с темой развития заупокойного культа в древнем Египте, например, в издании 1909 г. «Речения Ипувера», подготовленном выдающимся английским египтологом Аланом Гардинером [Gardiner 1909] (см.: [Willems 2014: 125–133]). Однако собственно термин «демократизация» применительно к древнеегипетской заупокойной литературе Гардинер использует лишь в своей публикации 1915 г. [Gardiner, Davies 1915]. При этом сам английский ученый опирается на еще более раннюю работу — предисловие к изданию Текстов пирамид Курта Зете 1908 г. [Sethe 1908: vii–viii], в котором исследователь как раз описывает основные черты процесса «демократизации» (в частности, заимствования частными лицами царских заупокойных текстов), однако не употребляет сам термин. Данные наблюдения позволяют считать его основоположником теории «демократизации» заупокойного культа в древнем Египте, а ее восприятие и трансляцию Гардинером — в том числе следствием его безусловного доверия египтологам «берлинской школы».

Вместе с тем большую значимость и специфический социологический оттенок термин «демократизация» приобрел в статье французского египтолога Александра Море «Приобщение египетского плебса к религиозным и политическим правам во времена Среднего царства» [Moret 1922] (изучавший этот вопрос Х. Виллемс вообще связывал появление теории «демократизации» заупокойного культа с этой публикацией [Willems 2008: 135–137; cf. Smith 2017: 167, 169]). Море соотнес современные ему события (Первая мировая война, революции во многих странах) и связанные с ними всесторонние изменения в жизни людей с ситуацией, возникшей в древнем Египте на этапе упадка Древнего царства и кризиса Первого переходного периода. Фактически Море говорит о произошедшей в стране революции, когда привилегии, заклинания и ритуалы, связанные с обеспечением посмертного существования и ранее использовавшиеся только царями, стали повсеместно доступны и просто-

му населению: «Раскрытие религиозных и магических секретов положило конец монополии привилегированных классов и провозгласило новый социальный режим» [Moret 1922: 347].

При подобном подходе рассматриваемая теория выглядит попыткой объяснить события древней истории с позиции современности, прибегая при этом к сомнительным аналогиям. Однако по другому мнению, высказанному Марком Смитом [Smith 2017: 168–169], родоначальником теории можно считать американского египтолога Джеймса Генри Брэстеда, еще в 1912 г. в своем сборнике лекций «Развитие религии и мысли в древнем Египте» говорившего о «процессе, который демократизировал великолепное царское посмертное существование» [Breasted 1912: 256]. Брэстед, как и Море, считал, что концепты посмертного существования, ранее доступные только царям, в Первый переходный период стали достоянием аристократии и среднего класса (в качестве примера он приводит транскрипцию заклинаний из Текстов пирамид в Тексты саркофагов). В отличие от статьи Море, работа Брэстеда не содержит идеализированных пассажей о революции и новом социальном характере древнеегипетской религии, а время ее написания не позволяет уже так явно связать теорию «демократизации» с попытками соотнести явления древней истории с событиями современности.

Таким образом, в исследованиях истории египтологии нет единого мнения касательно того, когда возникла теория «демократизации» заупокойного культа. При этом важно отметить, что Зете говорит лишь о присвоении простыми людьми символов и атрибутов, ранее используемых только царем (например, заклинания Текстов пирамид, титул Осириса перед именем, царские регалии), в то время как Брэстед уже представляет развитую концепцию, говоря об изменениях не только во внешних атрибутах, но в самой сути представлений о загробном существовании.

Фактически основной работой, обосновавшей теорию «демократизации» заупокойного культа в Первый переходный период, является книга «Заупокойные верования древних египтян», выдающегося немецкого египтолога Германа Кееса. Впервые она была опубликована в 1926 г. и с тех пор выдержала много переизданий². Согласно Кеесу, «демократизация» заупокойных верований представляла собой постепенный процесс, обусловленный политическими, экономическим и социальными событиями конца эпохи Древнего царства. Все большее возрастание амбиций и притязаний номархов в конечном итоге привели к ослаблению царской власти. И в подобной нестабильной ситуации начинается постепенный процесс узурпации в первую очередь сугубо царских атрибутов: вельможи изображали себя в царской одежде, перенимали характерные ритуалы (например, ритуал «отверзания уст и очей»), во фризах предметов на их саркофагах в качестве защитных амулетов стали появляться царские регалии [Кеес 2005: 257–258].

Основой для аргументации Кееса послужили отмеченные им заимствования с конца Древнего царства в Тексты саркофагов вельмож из Текстов пирамид, которые он считал сугубо царскими. Вельможи переносят на свои саркофаги отдельные заклинания и целые корпусы, причем, как отмечал Кеес, чаще

² В нашей статье используется перевод на русский язык 2005 г., выполненный по немецкому изданию 1977 г.

всего это заимствование хаотичное, отдельные заклинания могли быть взяты из разных источников и перемешаны между собой без четкой логики. Фактически можно говорить о том, что с определенного момента люди нецарского происхождения получили доступ к царским заупокойным текстам и компилировали изречения оттуда в нужном им порядке под новыми заголовками. При этом подобные заимствования заметны и в отправлении ритуалов. Немаловажным фактором также становится распространение почитания Осириса как бога загробного мира, фактически уравнивавшего всех людей в их посмертном существовании, с чем связана и появившаяся в этот период концепция всеобщего загробного суда.

Таким образом, основная идея Германа Кееса заключается в том, что в связи с постепенным упадком царской власти в Египте на исходе эпохи Древнего царства у людей появляется доступ к ранее закрытым для них корпусу ритуальных и магических знаний и практикам, которые они начинают перенимать и интерпретировать в доступной им манере.

Предложенная концепция почти сразу была принята большинством египтологов и настолько просто вошла в научный обиход, что фактически не подвергалась специальному обсуждению или переосмыслению. Например, в своем фундаментальном исследовании «Египет: теология и благочестие ранней цивилизации» выдающийся немецкий египтолог Ян Ассман рассматривает особенности древнеегипетской религии фактически на всем протяжении существования этой цивилизации. В части, посвященной Первому переходному периоду и началу Среднего царства, он уделяет основное внимание распространению культа Осириса, в котором также видит тенденцию к «демократизации» заупокойного культа, поскольку Осирис был всеобщим богом — правителем загробного мира, но при этом не был богом «государственным», так сказать, навязываемым властью. При этом Ассман говорит и о коренных изменениях в представлениях о потустороннем мире, связанных с распространением среди людей специфической царской концепции посмертного существования (отождествление с Осирисом, наличие у людей «силы»-ба, перемещающейся после смерти в мир богов) [Ассман 1999: 276; ср. Большаков 2001: 229–232]. Идея о переносе заклинаний из царских Текстов пирамид в Тексты саркофагов также им поддерживается, причем Ассман упоминает ее вскользь, как нечто само собой разумеющееся [Там же: 194]. Таким образом, он фактически повторяет идеи, высказанные Кеесом задолго до него.

Среди работ отечественных исследователей в первую очередь следует назвать фундаментальную «Историю древнего Востока» Б. А. Тураева — выдающегося исследователя и одного из основоположников египтологии в России. Вышедшая практически одновременно с упомянутым исследованием Брэстеда (первое издание датируется 1913 годом), она содержит схожие замечания касательно «демократизации» заупокойного культа на исходе Древнего царства (с начала правления VII династии): Тураев говорит о переносе текстов из царских пирамид на деревянные саркофаги «простых смертных» и о начале отождествления последних после смерти с Осирисом [Тураев 1936: 229–231]. Отдельно следует отметить тот факт, что исследователь все же связывает «демократизацию» заупокойного культа и верований в Первый переходный период (ту самую «доступность царских посмертных благ для всех») с «падением

царского некрополя», а не наоборот [Там же: 210]. Отсутствие каких-либо специальных пояснений к этим положениям у Тураева, а также то, что поданы они в тексте весьма кратко, как устоявшиеся факты, позволяет сделать вывод о том, что, с его точки зрения, теория «демократизации» уже заняла прочные позиции в научной среде и не вызывала сомнений.

Частично, не напрямую затронула этот вопрос и знаменитый советский египтолог и искусствовед М. Э. Матье в своем труде «Мифы Древнего Египта» и его последующем расширенном переиздании «Древнеегипетские мифы» [Матье 1940; 1956]. Как она отмечает в разделах, посвященных Осирису, изначально его образ был связан с царским культом (умирая, правитель отождествлялся с ним), однако со времени Среднего царства он стал божеством для всех, давая надежду на воскрешение в загробном мире [Матье 1940: 62; 1956: 61–62]. Возникновение идеи об одинаковой посмертной судьбе для всех без исключения и является той самой «демократизацией» заупокойного культа. Стоит обратить внимание, что и в своих статьях, специально посвященных Текстам пирамид, она подчеркивает: в их основе лежит царский заупокойный ритуал, а сам порядок чтения заклинаний последовательно соотнесен с движением заупокойной процессии от входа к внутренним помещениям пирамиды [Матье 1947; 1958].

Аналогичные идеи присутствуют и в «Истории древнего Египта» одного из крупнейших советских египтологов Ю. Я. Перепёлкина, представляющей собой исторический очерк, над которым автор работал еще в 1940–1950-е годы в рамках написания многотомной «Всемирной истории». В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что характерный перечень основных составляющих «демократизации» заупокойного культа на исходе Древнего царства приводится Перепёлкиным без каких-либо изменений. Исследователь говорит о том, что вельможи прежде всего хотели приобщиться к царскому заупокойному культу и обеспечить себе благое существование, в связи с чем начали также отождествлять себя с Осирисом [Перепёлкин 2000: 172]. Как общеегипетский бог мертвых он стал почитаться уже в эпоху Среднего царства, и отождествление с ним стало теперь возможно для всех, не только для царей и вельмож; изображения и надписи из гробниц вельмож перестали быть сугубо элитарным достоянием и начали перемещаться на более простые деревянные саркофаги. Коснулась эта «демократизация» и Текстов пирамид, которые составили основу для новых Текстов саркофагов [Там же: 194]. Очевидно, что и в данном случае автор повторяет сложившуюся концепцию: не вдаваясь в подробности и не пытаясь специально ее проанализировать, он сухо излагает ее составляющие как надежно установленные факты.

В связи с данной концепцией нельзя не упомянуть монографию советского египтолога М. А. Коростовцева «Религия древнего Египта» (первое издание — 1976 г.). Он говорит об изначальной связи бога Осириса с царским заупокойным культом и относит его первые упоминания в загробных формулах в гробницах вельмож к периоду V–VI династий. С конца Древнего царства культ этого бога начинает активно распространяться по всей стране [Коростовцев 2000: 78–79]. Падение Древнего царства привело к серьезным сдвигам в духовной жизни; упадок Первого переходного периода способствовал развитию концепции индивидуального бессмертия — на первый план выхо-

дит отдельная личность, заботящаяся о своем персональном благом посмертном существовании, ранее доступном лишь царям [Там же: 129], что напрямую связано с культом Осириса как покровителя загробной жизни всех людей.

Перечисляя особенности «демократизации» заупокойного культа в древнем Египте, Коростовцев ссылается на «Историю древнего Востока» Тураева. Сущность данной концепции остается для него практически неизменной: отождествление с Осирисом после смерти всех умерших, независимо от социального статуса, перенесение заклинаний из Текстов пирамид в Тексты саркофагов и их интерпретация в рамках этого корпуса [Там же: 130–138]. Однако у Коростовцева появляются и некоторые дополнения. Во-первых, он отмечает перенесение заклинаний и изображений не только на деревянные саркофаги, но и на специальные каменные стелы, что при сравнении со сложной декорацией гробниц Древнего царства свидетельствует даже о чисто техническом упрощении культа [Там же: 130]. Во-вторых, исследователь уже не так однозначно говорит о копировании Текстов пирамид: для него Тексты саркофагов являются в большей мере самостоятельным произведением, лишь заимствовавшим некоторые отдельные элементы из Текстов пирамид, нежели компиляцией и пересказом последних [Там же: 152] (кажется, здесь имеет место некоторая полемика с Кеесом, работа которого рассматривалась выше).

В завершение нашего обзора мнений отечественных авторов, принимающих теорию «демократизации» заупокойного культа, следует обратиться к важной теоретической статье А. О. Большакова «Изображение и текст: два языка древнеегипетской культуры». Рассматривая проблему соотношения изображений и текста в оформлении погребений и описаниях загробного мира, автор последовательно анализирует материал ряда этапов древнеегипетской истории III–II тыс. до н. э., обращаясь и к Первому переходному периоду. Соглашаясь в целом с теорией «демократизации», Большаков добавляет к ней несколько собственных ценных замечаний. Так, называя Тексты саркофагов «рефлексией на тему иной жизни», он также отмечает важность экономического фактора в процессе «демократизации» культа. Начертать текст и изображение на деревянном саркофаге гораздо проще технически, быстрее и дешевле. В ситуации тотальной смуты в государстве люди не могли позволить себе сложных каменных гробниц, аналогичных тем, что создавались в эпоху Древнего царства, что активно способствовало распространению Текстов саркофагов как новой формы выражения заупокойных верований [Большаков 2003: 12–13]. Второе и важнейшее замечание Большакова сводится к тому, что он не просто говорит о трансляции в Тексты саркофагов заклинаний Текстов пирамид, а уделяет особое внимание вопросу, как именно они стали доступны для этого. По его мнению, во время массовых восстаний Первого переходного периода пирамиды царей вскрывались и разорялись, после чего долгое время оставались открытыми. Благодаря такой доступности сакральных текстов заинтересованные люди получили возможность пользоваться ими, цитировать для себя; таким образом «мир богов открылся для человека» [Там же: 13].

В главном труде Большакова, монографии «Человек и его двойник», рассматривается материал только Древнего царства, однако сделано несколько важных замечаний касательно бога Осириса. В первую очередь Большаков повторяет тезис, что уже с конца эпохи Древнего царства всякий умерший

отождествлялся с Осирисом, и, таким образом, «история “воскресения” этого бога стала историей “воскресения” любого человека» [Большаков 2001: 88]. Однако исследователя занимает сам образ этого божества, его первоначальная роль в гробницах вельмож III тыс. до н. э.: Большаков высказывает предположение, что в своем исходном качестве Осирис был неким подобием солнечного бога Ра в ином мире, олицетворяя персонификацию загробного света, обеспечивающую способность видеть (именно с этим представлением автор связывает классический вариант написания имени Осириса с использованием иероглифа D₄) [Большаков 2001: 104–108].

На основании сказанного можно сделать вывод, что возникшая в начале XX в. теория «демократизации» заупокойного культа в Египте на исходе эпохи Древнего царства была почти единодушно воспринята египтологами по всему миру и долгое время не оспаривалась, а лишь дополнялась некоторыми новыми тезисами.

За последние десятилетия в египтологии появились противники этой теории. Пожалуй, первым среди них стоит назвать английского египтолога Стивена Квирка, который в работе «Религия древнего Египта», говоря о конце эпохи Древнего царства, критикует использования термина «демократизация» для описания изменений в заупокойном культе. Он ссылается на отсутствие в этот период собственно царских текстов, которые можно было бы сравнить с новым корпусом Текстов саркофагов. Квирк подчеркивает, что в сфере заупокойного культа не простые люди вторглись в область привилегий царей, а наоборот, те как бы «снизошли» до них, и их посмертная судьба стала образцом. В этом он видит закономерное развитие культа, который сначала был разработан и воспринят на уровне элит, а позже распространился среди населения [Quirke 1992: 155–158]. Таким образом, Квирк не отвергает теорию «демократизации» в целом, а скорее спорит с устоявшимся обозначением данного процесса и рассматривает его с иной стороны.

Еще более резкое отношение к данной теории появляется у французского египтолога Бернарда Матье, который в статье, посвященной сравнению Текстов пирамид с Текстами саркофагов [Mathieu 2004], ставит под сомнение правомерность их разграничения. Его основная идея заключается в том, что оба эти корпуса религиозных текстов восходят к некому единому первоисточнику. Матье приводит пять основных аргументов в пользу их схожести: невозможность жестко разграничить их в силу продолжающегося пополнения наших знаний об их составе; принципиальная возможность сохранения обоих корпусов в папирусной записи; примерно одинаковое время появления (Матье придерживается мнения, что заклинания Текстов саркофагов существовали с конца VI династии); иллюзорность мнения о том, что Тексты саркофагов существенно отличаются от Текстов пирамид благодаря наличию в них заголовков, и влияние на оба корпуса гелиопольской теологической концепции; наличие схожих формул в некоторых частных гробницах VI династии и в Текстах пирамид как аргумент в пользу того, что этот корпус был доступен людям нецарского статуса. Все вышеперечисленное, по мнению Матье, не позволяет не только говорить о влиянии одного из этих комплексов текстов на другой и о неких заимствованиях между ними, но и вообще проводить между ними четкое различие. Понятно, что такое заключение идет вразрез с одним из основ-

ных положений теории «демократизации» — о прямом переносе заклинаний Текстов пирамид в Тексты саркофагов.

Ярым противником теории «демократизации» является бельгийский египтолог Харко Виллемс, в монографии «Тексты саркофагов и демократия» [Willems 2008] (дополненный англоязычный вариант: [Willems 2014]) подвергший ее критике на основе детального изучения Текстов саркофагов. По мнению исследователя, эта теория полностью искажает контекст развития заупокойных тестов. Прежде всего Виллемс становится на иную по сравнению с классической и, в частности, принятой Х. Кеесом позицию по вопросу датировки Текстов саркофагов: вслед за В. Шенкелем (см. в начале нашей статьи) он считает, что они появляются не в Первый переходный период, а только в эпоху Среднего царства, хотя и на самом раннем его этапе, во время воцарения XI династии. Виллемс не видит в этих текстах какого-либо упрощения заупокойного культа, связанного с социальными потрясениями Первого переходного периода [Willems 2014: 136], поскольку это время характеризуется уже началом стабилизации ситуации в стране.

Кроме того, важнейшей идеей Виллемса является то, что Тексты саркофагов являлись более «демократическим» воплощением Текстов пирамид, отражая те же самые представления о загробной жизни. Он подчеркивает, что, конечно, деревянные саркофаги широко использовались разными слоями населения, однако саркофаги декорированные, в особенности несущие на себе заклинания Текстов саркофагов, могли позволить себе лишь немногие [Ibid.: 141–142]. И поскольку доступны они были только для элиты древнеегипетского общества, применять термин «демократизация» для описания их распространения видится исследователю абсолютно неуместным.

Другой аспект теории Кееса, с которым спорит Виллемс, — это вопрос об узурпации простыми людьми царских привилегий в заупокойном культе. Как отмечает исследователь, гробницы вельмож, в которых находились саркофаги с заклинаниями, часто находились рядом с царскими некрополями (в частности, рядом с заупокойным храмом Ментухотепа II), что исключает возможность несанкционированной узурпации царского ритуала, так как при таком расположении погребений была бы возможность отследить и предотвратить это [Ibid.: 174]. Кроме того, Виллемс вслед за Квирком подчеркивает тот факт, что заупокойные тексты исчезают у самих царей, и на основании этого делает вывод о введении для них некоей новой модели «погребальной материальной культуры» (курсив Виллемса), в то время как представители элиты нецарского статуса (не все египтяне, как он отмечает) воспринимают старую модель, предусматривающую оформление погребения текстами [Ibid.: 174].

Противоречит теории «демократизации» и собственный взгляд исследователя на эволюцию заупокойного культа. Классическая концепция предполагала его распространение «сверху вниз» — от царей ко всем людям (отсюда термин «демократизация»), однако, как считает Виллемс, в основе этого культа лежит некая общественная идея, не связанная напрямую с теологическим дискурсом. Весь погребальный культ не являлся продуктом элитарной культуры, его развитие шло от простых верований к сложному комплексу представлений, когда культ начали оформлять профессиональные жрецы, что в итоге привело к появлению Текстов пирамид и Текстов саркофагов. Исследователь

обосновывает это присутствием в погребениях, содержащих саркофаги с текстами, ряда предметов (в частности, защитных амулетов), восходящих к погребальному инвентарю очень раннего, еще дописьменного времени и, очевидно, заимствованных из повседневных магических практик простых людей [Ibid.: 219–225].

Еще одним противником теории «демократизации» и в то же время оппонентом Виллемса является английский египтолог Марк Смит. В статье «Демократизация загробной жизни» [Smith 2009] он предлагает версию, отличную от выдвинутой его бельгийским коллегой. Исследователь полагает, что у представителей элиты был доступ к царским формам заупокойного культа еще в конце эпохи Древнего царства, о чем можно найти многочисленные свидетельства как в надписях, так и в оформлении гробниц вельмож. Они также использовали заклинания «прославления», дарующие возможность стать после смерти особыми «прославленными духами» (*šhw*), и ритуал приношений, обеспечивающий им существование в ином мире в полном достатке. При этом все эти заклинания и жертвенные формулы используются без упоминаний царя, т. е. дарителем соответствующей милости выступает не он, а непосредственно сами боги. Тем самым Тексты саркофагов, появившиеся впоследствии, отражают изменение религиозной практики, но никак не верований [Ibid.: 2–9]. Ни о какой «демократизации» не может идти речи, поскольку доступа к царским или элитарным привилегиям заупокойного культа не получил никто из тех, кто не имел его ранее.

Более подробно теория «демократизации» рассматривается в монографическом исследовании Смита, посвященном богу Осирису и развитию его культа на протяжении всей истории древнего Египта [Smith 2017]. По оценке автора, эта теория базируется на двух основных принципах: непосредственно на том факте, что заклинания из Текстов пирамид попадают в Тексты саркофагов, и на устоявшемся (по мнению Смита, априорном) предположении, что изначально царские представления о загробной жизни были в корне отличны от тех, что сложились у остальных людей. На этот счет Смит придерживается взглядов, схожих с мнениями Б. Матье и Х. Виллемса: в основе Текстов пирамид и Текстов саркофагов были некие общие базовые концепции. В частности, он приводит в качестве примера несколько частных гробниц, которые можно датировать концом Древнего царства или Первым переходным периодом (гробница Медунефера из Балата в оазисе Дахла, гробничная часовня Касену, происходящая из Гизы или Саккары и сейчас хранящаяся в Хильдесхайме): в них уже используются заклинания, аналогичные Текстам пирамид, что означает их доступность не только для царственных особ [Ibid.: 172–174]. Помимо этого исследователь отмечает, что если у нас нет доказательств более раннего использования Текстов пирамид частными лицами, то это не означает, что они не имели к ним доступа. Смит отрицает существование каких-либо норм, которые запрещали бы размещать в частных гробницах тексты, схожие по своему содержанию с заклинаниями Текстов пирамид; при этом обращает внимание на то, что в Первый переходный период такие тексты не всегда встречаются и в царских погребениях (кроме того, не существует никаких свидетельств о наличии определенных правил оформления гробниц, кроме устоявшего набора сцен, обусловленных религиозными представлениями).

Как и Квирк и Виллемс, Смит подчеркивает отсутствие текстов и заклинаний в царских погребениях в эпоху Среднего царства [Ibid.: 187–190].

Ученый затрагивает еще один важнейший аспект эволюции заупокойного культа, к которому сравнительно мало обращались другие исследователи, а именно роль бога Осириса в воскресении усопшего. Смит оспаривает традиционное представление о том, что воскресение достигалось при помощи отождествления с этим богом усопших (не только простых людей, но и царей). Обращаясь к материалу разных эпох, Смит на основании синтаксического анализа формул, содержащих имя умершего и имя Осириса, старается показать, что они предполагали не прямое отождествление, а, по аналогии с заклинаниями, ритуальную, условную постановку человека на место божества для получения определенных благ или способностей (в данном случае — способности физически воскреснуть и обрести существование в другом мире). Такое представление лежало в основе и царского воскресения, поскольку различные памятники показывают четкое разграничение личности царя и Осириса, даже подчинение первого последнему, не позволяющее их отождествить [Ibid.: 155–161].

Таким образом, Смит последовательно отводит все основные положения теории «демократизации» заупокойного культа, ранее считавшиеся общепринятыми.

Самым критикуемым на нынешнем этапе аспектом этой теории является тезис о переносе заклинаний из Текстов пирамид в Тексты саркофагов. Гарольд Хейс, египтолог из Лейденского университета, обращается к этому вопросу в статье «Смерть демократизации загробной жизни» [Haas 2011]. Громкое название уже раскрывает суть его работы, в которой он подробно рассматривает возникновение и критику «демократизации» заупокойного культа, соглашаясь с последней. Его собственные замечания схожи с высказанными Смитом и касаются проблемы изначального отсутствия заупокойных текстов в частных гробницах. Как считает Хейс, доступ к благам в ином мире не зависел от наличия или отсутствия текстов в гробнице, так как не весь существовавший корпус погребальной литературы был записан на стенах царских усыпальниц: большую его часть, скорее всего, составляли устные ритуальные практики. Соответственно, вельможи не были лишены этих благ, кроме того, они, как и цари, использовали в качестве эпитета имя бога Осириса для отождествления с ним, а также жертвенные ритуалы и заклинания, позволяющие приобщиться к «прославленному духу» после смерти [Ibid.: 120–130]. На основании этих данных Хейс приходит к выводу, что и у Текстов пирамид, и у появившихся позднее Текстов саркофагов была некая общая основа, набор ритуалов, в формировании которого участвовало несколько социальных слоев.

Среди зарубежных работ также следует отметить сборник статей под редакцией датского египтолога Рюне Ньорда, посвященный вопросам заупокойного культа в эпоху Среднего царства [Nyord 2019]. Во вступительной статье составитель присоединяется к критике теории «демократизации» заупокойного культа, отрицательное отношение к которой он разделяет. Данный сборник, таким образом, как бы подводит итог дискуссии на текущий момент: теория «демократизации» признается ушедшей в прошлое.

Отдельного внимания заслуживает одна из глав сборника под авторством Кати Гёбс, посвященная «царским» концепциям в Текстах саркофагов [Goebbs 2019], а именно вопросу, в какой мере их можно считать «царскими» в собственном базовом значении этого слова. По мнению исследовательницы, такое определение применительно к ним можно использовать скорее в метафорическом и мифологическом, а не в реальном политическом смысле. отождествление с царем, предполагающее также апелляцию к мифологическим мотивам, в которых действуют божества, имеющие царский статус, — это именно метафора, призванная определенным образом усилить и возвысить умершего, но не имеющая в виду его действительное положение правителя. Кроме того, чаще всего термин «царский» относится к упоминаемым в заклинаниях божествам, а также часто одновременно сочетается с полностью подчиненной ролью умершего (например, писца). Все это не позволяет говорить всерьез о переносе из Текстов пирамид в Тексты саркофагов некой «царской» концепции.

Неявное отрицание данной теории, предполагающее солидаризацию с ее критиками без специального обсуждения вопроса, можно обнаружить в работах отечественных специалистов по заупокойной литературе и заупокойному культу древнего Египта. В частности, М. А. Чегодаев в своем исследовании папирусной графики замечает, что, во-первых, Тексты саркофагов представляют собой новый этап развития древнеегипетской заупокойной литературы, а не являются лишь компиляцией Текстов пирамид (хотя и многое из них заимствуют). Во-вторых, он повторяет идею о существовании некоего заупокойного ритуала задолго до появления первых записей в период правления V династии [Чегодаев 2004: 15]. Важное замечание Н. В. Лаврентьевой о появлении Текстов саркофагов еще в период Древнего царства (конец VI династии) предполагает ее согласие с идеей о существовании некоего древнего общего базиса как царских, так и частных заупокойных текстов. Однако автор не утверждает это прямо, а приведенный ею пример гробницы Медунефера, где на пеленах владельца обнаруживаются заклинания, имеющие аналогии в Текстах пирамид и Текстах саркофагов, — скорее исключение, нежели общее правило [Лаврентьева 2012: 80].

Среди отечественных исследователей критика теории «демократизации» заупокойного культа не получила всеобщего распространения, однако в данном контексте нельзя не отметить книгу А. Б. и О. И. Зубовых о религии древнего Египта [Зубов, Зубова 2017], в которой предложен оригинальный и нестандартный подход к проблеме изучения религиозных верований на протяжении всей истории египетского государства. Новизна его состоит в том, что египетская религия рассматривается с точки зрения христианского богословия. Авторы приходят к мысли, что ее восприятие как политеистической в корне ошибочно, так как с древнейших времен в ее основе лежала религиозная концепция, предполагающая существование единого Бога, который просто был известен под разными именами. Исследуя религиозные тексты разных периодов, они делают вывод, что этим богом был Осирис, тогда как все другие божества являлись как бы его воплощениями.

В основе исследования лежат Тексты пирамид. Однако авторы не проводят четкой границы между ними и более поздними памятниками (например,

Книгой Мертвых, относящейся уже к эпохе Нового царства) и предполагают наличие общей основы у всех египетских религиозных текстов и корпусов заклинаний [Там же: 349]. Зубовы не касаются теории «демократизации» заупокойного культа напрямую, однако предложенная ими концепция по самой своей сути не предусматривает возможности подобных процессов, поскольку в ее рамках в погребальном культе невозможно разграничить царские и нецарские концепты. Можно обратить внимание и на то, что в одной из своих ранних работ О. И. Зубова (Павлова) относилась фактически как к установленной данности к тому, что Тексты пирамид отражают посмертную судьбу всех людей, без различия их статуса, и даже оперируют этическими концептами, аналогичными понятию греха в монотеистических религиях [Pavlova 1999] (см. обращение к ее точке зрения: [Mathieu 2004: 258]; возражения против нее: [Ладынин 2014: 36–37]).

В качестве активного критика теории «демократизации» выступает также ученица А. Б. Зубова — О. Р. Астапова. Подробно учитывая рассмотренные работы Смита и Виллемса, исследователь поддерживает их вывод о существовании определенной традиции заупокойного культа еще с Додинастического периода, отрицая сугубо царскую специфику Текстов пирамид. Появление надписей в гробницах и на саркофагах частных лиц она объясняет не «узурпацией» ранее сугубо царских привилегий, а скорее распространением практики письменного оформления уже давно существовавшего ритуала. Тем самым Тексты пирамид и Тексты саркофагов представляют собой его особую интерпретацию, что исключает возможность их возникновения вследствие «демократизации» («демотизации» в терминологии автора) царского заупокойного культа [Астапова 2017: 159–171].

Рассмотренный историографический материал позволяет сделать вывод, что в современной зарубежной египтологии преобладает тенденция к отказу от, казалось бы, устоявшейся теории «демократизации» заупокойного культа, в то время как в отечественной науке этой тенденции по преимуществу не наблюдается. Анализ трудов зарубежных и отечественных египтологов показывает, насколько дискуссионным остается данный вопрос. Традиционная версия теории «демократизации» представляла единую концепцию, в целом принимавшуюся учеными без специальных комментариев. Во-первых, она подразумевала, что царский заупокойный культ изначально отличался от доступного остальным людям, предполагая отождествление царя с Осирисом, обеспечивавшее ему физическое воскресение; этот культ был облечен в форму ритуальных заклинаний, дошедших до нас в виде Текстов пирамид. В условиях смут и общей нестабильности Первого переходного периода формы культа, которые ранее составляли царские привилегии, стали доступны всем людям; их восприятие и реинтерпретация породили Тексты саркофагов, отразившие новые тенденции в развитии погребального культа и ритуала. Кроме того, царские регалии стали использоваться в качестве защитных амулетов на саркофагах. Во-вторых, считалось, что, начиная с конца Древнего царства, возможность отождествляться с Осирисом для обеспечения благого посмертного существования получают все люди.

С критикой теории «демократизации» выступили в первую очередь исследователи, не согласные с интерпретацией Текстов саркофагов как модифи-

кации Текстов пирамид и рассматривавшие их как самостоятельный корпус религиозных текстов. Совпадение в обоих этих комплексах целого ряда заклинаний объяснялось существованием некоей общей религиозной концепции, на базе которой уже развивались дошедшие до нас религиозные тексты. В целом в критике теории «демократизации» выделяются две основные линии (см.: [Nyord 2019: 14–15]). Первая, предложенная Харко Виллемсом, основывается на том, что Тексты саркофагов никак нельзя назвать продуктом процесса «демократизации» культа, поскольку по своей сути они являлись сугубо элитарными и недоступными подавляющему большинству людей. Вторая линия, которую на нынешнем этапе разрабатывает Марк Смит, предполагает наличие некоей общей базы как царского, так и нецарского погребального культа, что не позволяет выделить особые представления о посмертной судьбе царя и, соответственно, исключает возможность их «демократизации». Помимо этого, изучая культ Осириса в древнем Египте, Смит также отрицает и возможность отождествления с ним умершего, подчеркивая, что даже царь всегда находился по отношению к нему в подчиненном положении; тем самым использование имени Осириса в погребальных формулах частных лиц не может свидетельствовать о приобретении ими возможности такого же отождествления. Легко заметить, что в обеих этих линиях немалое место занимают допущения: вполне произвольно суждение Виллемса о том, что смена к началу Среднего царства моделей «погребальной материальной культуры» как у царей, так и у представителей элиты нецарского статуса не сопровождается изменениями религиозных концепций, а предположение о доступе уже в эпоху Древнего царства к Текстам пирамид лиц нецарского происхождения не подтверждается их надежным цитированием в частных памятниках. Примечательно также, что, за исключением работ А. Б. и О. И. Зубовых, критика теории «демократизации» практически не проникла в отечественную египтологию, представители которой продолжают ее придерживаться, причем, разумеется, это не следует связывать с их незнакомством с состоянием зарубежной историографии. Так или иначе, очевидно, что, несмотря на более чем вековую историю, теория «демократизации» заупокойного культа в древнем Египте конца III — начала II тыс. до н. э. остается дискуссионной, а легший в ее основание фактический материал все еще требует подробного изучения.

Литература

- Ассман 1999 — *Ассман Я.* Египет: теология и благочестие ранней цивилизации / Пер. с нем. Т. Баскаковой. М.: Присцельс, 1999.
- Астапова 2017 — *Астапова О. Р.* Истоки сакрализации власти. Священная власть в древних царствах Египта, Месопотамии, Израиля. М.: Рипол-классик, 2017.
- Большаков 2001 — *Большаков А. О.* Человек и его двойник: Изобразительное искусство и мировоззрение в Египте Старого царства. СПб.: Алетей, 2001.
- Большаков 2003 — *Большаков А. О.* Изображение и текст: два языка древнеегипетской культуры // Вестник древней истории. 2003. № 4 (247). С. 3–20.
- Демидчик 2005 — *Демидчик А. Е.* Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб.: Алетей, 2005.

- Зубов, Зубова 2017 — *Зубов А. Б., Зубова О. И.* Религия Древнего Египта. Ч. 1: Земля и боги. М.: Рипол-классик, 2017.
- Кеес 2005 — *Кеес Г.* Заупокойные верования древних египтян. От истоков и до исхода Среднего царства / Пер. с нем. И. А. Богданова; Под науч. ред. А. С. Четверухина. СПб.: Ж-л «Нева», 2005.
- Коростовцев 2000 — *Коростовцев М. А.* Религия Древнего Египта. СПб.: «Летний Сад»; Ж-л «Нева», 2000.
- Лаврентьева 2012 — *Лаврентьева Н. В.* Мир ушедших. Дуат: образ иного мира в искусстве Египта (Древнее и Среднее Царства). М.: Рус. Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012.
- Ладынин 2014 — *Ладынин И. А.* Замечания к интерпретации архаических социальных терминов древнего Египта // *Lanterna postea*: К юбилею профессора Ии Леонидовны Маяк / Под ред. Н. В. Бугаева, М. В. Дурново, С. Ю. Сапрыкин, О. В. Томашевич. СПб.: Алетейя, 2014. С. 34–49.
- Матье 1940 — *Матье М. Э.* Мифы Древнего Египта. Л.: Гос. Эрмитаж, 1940.
- Матье 1947 — *Матье М. Э.* Тексты пирамид — заупокойный ритуал. (О порядке чтения «Текстов пирамид») // *Вестник древней истории*. 1947. № 4. С. 30–56.
- Матье 1956 — *Матье М. Э.* Древнеегипетские мифы. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956.
- Матье 1958 — *Матье М. Э.* К проблеме изучения «Текстов пирамид» // *Вестник древней истории*. 1958. № 4. С. 14–35.
- Перепёлкин 2000 — *Перепёлкин Ю. Я.* История Древнего Египта. СПб.: «Летний Сад»; Ж-л «Нева», 2000.
- Тураев 1936 — *Тураев Б. А.* История Древнего Востока. Т. 1 / Под ред. В. В. Струве, И. Л. Снегирева. Л.: ОГИЗ; Соцэкгиз, 1936.
- Чегодаев 2004 — *Чегодаев М. А.* Папирусная графика Древнего Египта. М.: УРСС, 2004.
- Breasted 1912 — *Breasted J. H.* Development of religion and thought in Ancient Egypt. New York: Charles Scribner's Sons, 1912.
- Gardiner 1909 — *Gardiner A.* The admonitions of an Egyptian sage from a hieratic papyrus in Leiden (Pap. Leiden 344 recto). Leipzig: J. C. Hinrichs, 1909.
- Gardiner, Davies 1915 — *Gardiner A., Davies N.* The tomb of Amenemhet (No. 82). London: Egypt exploration fund, 1915.
- Goebis 2019 — *Goebis K.* How 'royal' (and 'mythical') are the Coffin Texts? Reflections on the definition and function of some etic concepts in a Middle Kingdom funerary text corpus // Concepts in Middle Kingdom funerary culture: Proceedings of the Lady Wallis Budge anniversary symposium held at Christ's College, Cambridge, 22 January 2016 / Ed. by R. Nyord. Leiden; Boston: Brill, 2019. P. 63–99.
- pErm. 1116A — *Golénischeff W. S.* Les papyrus hiératiques №№ 1115, 1116A et B de l'Ermitage impérial a St. Pétersbourg. St. Pétersbourg: Manufacture des Papiers de l'État, 1913.
- Hays 2011 — *Hays H. M.* The death of the democratisation of the afterlife // *Old Kingdom, New perspectives: Egyptian art and archaeology 2750–2150 BC* / Ed. by N. Strudwick, H. Strudwick. Oxford: Oxbow Books, 2011. P. 115–130.
- Mathieu 2004 — *Mathieu B.* La distinction entre Textes des Pyramides et Textes des Sarcophages est-elle légitime? // D'un monde à l'autre. Textes des Pyramides et Textes des Sarcophages, Actes de la Table ronde "Textes des Pyramides versus Textes des Sarcophages", 24–26 septembre 2001 / Sous la dir. de S. Bickel, B. Mathieu. Cairo: IFAO, 2004. P. 247–262.

- Moret 1922 — *Moret A.* L'accession de la plèbe égyptienne aux droits religieux et politiques sous le Moyen Empire // Recueil d'études égyptologiques dédiées à la mémoire de Jean-François Champollion à l'occasion du centenaire de la Lettre à M. Dacier relative à l'alphabet des hiéroglyphes phonétiques lue à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres le 27 septembre 1822 (Bibliothèque de l'École des Hautes Études). Paris: Champion, 1922. P. 331–360.
- Nyord 2019 — *Nyord R.* Concepts in Middle Kingdom funerary culture: Proceedings of the Lady Wallis Budge anniversary symposium held at Christ's College, Cambridge, 22 January 2016. Leiden; Boston: Brill, 2019.
- Pavlova 1999 — *Pavlova O.* *rhyt* in the Pyramid Texts: Theological idea or political reality // *Literatur und Politik im pharaonischen und ptolemäischen Ägypten* / Hrsg. J. Assmann, E. Blumenthal. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1999. (Bibliothèque d'étude; 127). P. 91–104.
- Quirke 1992 — *Quirke S.* Ancient Egyptian religion. London: British Museum Press, 1992.
- Schenkel 1962 — *Schenkel W.* Frühmittelägyptische Studien: Dissertation. Bonn, 1962.
- Sethe 1908 — *Sethe K.* Die altaegyptischen Pyramidentexte ... Bd. 1. Leipzig: J. C. Hinrichs, 1908.
- Smith 2009 — *Smith M.* Democratization of the Afterlife // *UCLA Encyclopedia of Egyptology* / Ed. by W. Wendrich, J. Dieleman. Los Angeles, 2009. URL: <http://digital2.library.ucla.edu/viewItem.do?ark=21198/zz001nf62b>.
- Smith 2017 — *Smith M.* Following Osiris: Perspective on the Osirian afterlife from four millennia. Oxford: Oxford Univ. Press, 2017.
- Willems 2008 — *Willems H.* Les Textes des Sarcophages et la démocratie: éléments d'une histoire culturelle du Moyen Empire égyptien. Paris: Éditions Cybele, 2008.
- Willems 2014 — *Willems H.* Historical and archaeological aspects of Egyptian funerary culture: Religious ideas and ritual practice in Middle Kingdom elite cemeteries. Leiden; Boston: Brill, 2014.

References

- Assmann, J. (1984). *Ägypten: Theologie und Frömmigkeit einer frühen Hochkultur*. Kohlhammer. (In German).
- Astapova, O. R. (2017). *Istoki sakralizatsii vlasti. Sviashchennaia vlast' v drevnikh tsarstvakh Egipta, Mesopotamii, Izrailia* [The origins of the sacralization of power. Sacred power in the ancient kingdoms of Egypt, Mesopotamia, Israel]. Ripol-klassik. (In Russian).
- Breasted, J. H. (1912). *Development of religion and thought in Ancient Egypt*. Charles Scribner's Sons.
- Bol'shakov, A. O. (2001). *Chelovek i ego dvoinik: Izobrazitel'noe iskusstvo i mirovozzrenie v Egipte Starogo tsarstva* [Man and his double: Fine arts and worldview in Old Kingdom Egypt]. Aleteiia. (In Russian).
- Bol'shakov, A. O. (2003). Izobrazhenie i tekst: dva iazyka drevneegipetskoj kul'tury [Image and text: two languages of ancient Egyptian culture]. *Vestnik drevnei istorii*, 2003(4(247)), 3–20. (In Russian).
- Chegadoev, M. A. (2004). *Papirusnaia grafika Drevnego Egipta* [Papyrus graphics of Ancient Egypt]. URSS. (In Russian).
- Demidchik, A. E. (2005). *Bezimiannaia piramida: Gosudarstvennaia doktrina drevneegipetskoj Gerakleopol'skoi monarkhii* [Nameless pyramid: State doctrine of the ancient Egyptian monarchy of Heracleopolis]. Aleteiia. (In Russian).
- Gardiner, A. (1909). *The Admonitions of an Egyptian Sage from a Hieratic Papyrus in Leiden (Pap. Leiden 344 recto)*. J. C. Hinrichs.

- Gardiner, A., & Davies, N. (1915). *The tomb of Amenemhet (No. 82)*. Egypt exploration fund.
- Goebis, K. (2019). How ‘royal’ (and ‘mythical’) are the Coffin Texts? Reflections on the definition and function of some etic concepts in a Middle Kingdom funerary text corpus. In R. Nyord (Ed.). *Concepts in Middle Kingdom funerary culture: Proceedings of the Lady Wallis Budge anniversary symposium held at Christ’s College, Cambridge, 22 January 2016* (pp. 63–99). Brill.
- pErm. 1116A — Golénischeff, W. S. (1913). *Les papyrus hiératiques №№ 1115, 1116A et B de l’Ermitage impérial a St. Pétersbourg*. Manufacture des Papiers de l’État.
- Hays, H. M. (2011). The death of the democratisation of the afterlife. In N. Strudwick, & H. Strudwick (Eds.). *Old Kingdom, New perspectives: Egyptian Art and Archaeology 2750–2150 BC* (pp. 115–130). Oxbow Books.
- Kees, H. (1977). *Totenglauben und Jenseitsvorstellungen der alten Ägypter. Grundlangen und Entwicklung bis zum Ende des Mittleren Reiches*. Akademie-Verlag. (In German).
- Korostovtsev, M. A. (2000). *Religiia Drevnego Egipta* [Religion of Ancient Egypt]. “Letnii Sad”; Zhurnal “Neva”. (In Russian).
- Ladynin, I. A. (2014). Zamechaniia k interpretatsii arkhaiskikh sotsial’nykh terminov drevnego Egipta [Notes on the interpretation of archaic social terms in ancient Egypt]. In N. V. Bugaeva, M. V. Durnovo, S. Iu. Saprykin, & O. V. Tomashevich (Eds.). *Lanterna nostra: K iubileiu professora Ii Leonidovny Maiak* (pp. 34–49). Aleteia. (In Russian).
- Lavrent’eva, N. V. (2012). *Mir ushedshikh. Duat: obraz inogo mira v iskusstve Egipta (Drevnee i Srednee Tsarstva)* [The world of the departed. Duat: the image of the other world in the art of Egypt (Old and Middle Kingdom)]. Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniu i Nauke. (In Russian).
- Mat’e, M. E. (1940). *Mify Drevnego Egipta* [Ancient Egypt myths]. Gosudarstvennyi Ermitazh. (In Russian).
- Mat’e, M. E. (1947). Teksty piramid — zaupokoinyi ritual. (O poriadke chteniia “Tekstov piramid”) [The Pyramid Texts as a funeral ritual. (On the order of reading the Pyramid Texts)]. *Vestnik drevnei istorii*, 1947(4), 30–56. (In Russian).
- Mat’e, M. E. (1956). *Drevneegipetskie mify* [Ancient Egyptian myths]. Izdatel’stvo Akademii nauk. (In Russian).
- Mat’e, M. E. (1958). K probleme izucheniiia Tekstov piramid [On the problem of studying the Pyramids Texts]. *Vestnik drevnei istorii*, 1958(4), 14–35. (In Russian).
- Mathieu, B. (2004). La distinction entre Textes des Pyramides et Textes des Sarcophages est-elle légitime? In S. Bickel, & B. Mathieu (Eds.). *D’un monde à l’autre. Textes des Pyramides et Textes des Sarcophages, Actes de la Table ronde “Textes des Pyramides versus Textes des Sarcophages”, 24–26 septembre 2001* (pp. 247–262). IFAO. (In French).
- Moret, A. (1922). L’accession de la plèbe égyptienne aux droits religieux et politiques sous le Moyen Empire. In *Recueil d’études égyptologiques dédiées à la mémoire de Jean-François Champollion à l’occasion du centenaire de la Lettre à M. Dacier relative à l’alphabet des hiéroglyphes phonétiques lue à l’Académie des Inscriptions et Belles-Lettres le 27 septembre 1822 (Bibliothèque de l’École des Hautes Études)* (pp. 331–360). Champion. (In French).
- Nyord, R. (Ed.). *Concepts in Middle Kingdom funerary culture: Proceedings of the Lady Wallis Budge anniversary symposium held at Christ’s College, Cambridge, 22 January 2016*. Brill.
- Pavlova, O. (1999). *xyt* in the Pyramid Texts: Theological idea or political reality. In J. Assmann, & E. Blumenthal (Eds.). *Literatur und Politik im pharaonischen und ptolemäischen Ägypten* (pp. 91–104). Institut français d’archéologie orientale.
- Perepelkin, Iu. Ia. (2000). *Istoriia Drevnego Egipta* [History of Ancient Egypt]. “Letnii Sad”; Zhurnal “Neva”. (In Russian).
- Quirke, S. (1992). *Ancient Egyptian religion*. British Museum Press.

- Schenkel, W. (1962). *Frühmittelägyptische Studien* (Dissertation). (In German).
- Sethe, K. (1908). *Die altaegyptischen Pyramidentexte ...* (Vol. 1). J. C. Hinrichs. (In German).
- Smith, M. (2009). Democratization of the afterlife. In J. Dieleman, & W. Wendrich (Eds.). *UCLA Encyclopedia of Egyptology*. <http://digital2.library.ucla.edu/viewItem.do?ark=21198/zz001nf62b>.
- Smith, M. (2017). *Following Osiris: Perspective on the Osirian afterlife from four millennia*. Oxford Univ. Press.
- Turaev, B. A. (1936). *Istoriia Drevnego Vostoka* [History of the Ancient East] (Vol. 1). OGIZ; Sotsekgiz. (In Russian).
- Willems, H. (2008). *Les Textes des Sarcophages et la démocratie: éléments d'une histoire culturelle du Moyen Empire égyptien*. Éditions Cybele. (In French).
- Willems, H. (2014). *Historical and archaeological aspects of Egyptian funerary culture: Religious ideas and ritual practice in Middle Kingdom elite cemeteries*. Brill.
- Zubov, A. B., & Zubova, O. I. (2017). *Religiia Drevnego Egipta* [Religion of Ancient Egypt], (Part 1) *Zemlia i bogi* [Earth and gods]. Ripol-klassik. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Анастасия Александровна Жукова
соискатель, исторический факультет,
кафедра истории древнего мира,
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
Россия, ГСП-1, 119234, Москва,
Ленинские Горы, д. 51
Тел.: +7 (495) 939-33-04
✉ anastasia.zhukova96@yandex.ru

Information about the author

Anastasiia A. Zhukova
Degree Applicant, Faculty of History,
Department of Ancient History, Lomonosov
Moscow State University
Russia, GSP-1, 119234, Moscow, Leninskie
Gory, 51
Tel.: +7 (495) 939-33-04
✉ anastasia.zhukova96@yandex.ru